

ПИТЕР ЧАРСКИ

СТРАННЫЕ ИГРЫ БОГОВ

ИЛИ Служба Когнитивной
Разведки снова спасает
Россию, а значит, и мир

Питер Чарски

**Странные игры богов, или Служба
когнитивной разведки снова
спасает Россию, а значит, и мир**

«Издательские решения»

Чарски П.

Странные игры богов, или Служба когнитивной разведки снова спасает Россию, а значит, и мир / П. Чарски — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-620459-1

Когда забота о хлебе насущном, не до размышлений о высших силах, правящих миром. Вот и Арнольд Рудольфович Березин, специалист по древним языкам, интересовался божественным только в контексте истории, не подозревая, что Земля давно стала излюбленным местом для игр скучающих богов и что сам он однажды сможет познакомиться с ними лично, а заодно спасти мир и даже получить медаль «За оборону Аркаима». Началось все с того, что к нему обратилась за консультацией одна очень серьезная организация...

ISBN 978-5-00-620459-1

© Чарски П.
© Издательские решения

Содержание

Пеликаны и ежи (1)	6
Проснитесь, мистер Андерсон! (2)	8
Высотки Вавилона (3)	10
Original Sin, или Инанна радуется своему лону (4)	12
The Институт (5)	14
Yes, Sir, I can boogie (6)	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Странные игры богов, или Служба когнитивной разведки снова спасает Россию, а значит, и мир

Питер Чарски

Корректор Сергей Барханов

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Питер Чарски, 2023

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0062-0459-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пеликаны и ежи (1)

«И протянет он руку свою на север, и уничтожит Аишур, и обратит Ниневию в развалины, в место сухое, как пустыня. И покоиться будут среди нее стада и всякого рода животные; пеликан и еж будут ночевать в резных украшениях ее; голос их будет раздаваться в окнах, разрушение обнаружится на дверных столбах, ибо не станет на них кедровой обшивки. Вот чем будет город торжествующий, живущий беспечно, говорящий в сердце своем: „Я – и нет иного, кроме меня“. Как он стал развалиной, логовищем для зверей! Всякий, проходя мимо него, посвищет и махнет рукою».

Арнольд Рудольфович Березин, переводчик-любитель с пяти древних и трех современных языков, работающий из дома на фрилансе, долго изучал текст электронного письма в три строчки, где сам мэтр Инлильянов уведомлял его о расторжении контракта на перевод книги, без возможности получить уже обещанный аванс. «Вот же сука ты какая, Инлильянов!» – уныло подумал Березин. Уже обещанный ему, но так и не полученный аванс был, впрочем, уже потрачен, и эта причинно-следственная аномалия представляла собой серьезную финансовую, а не только логическую проблему. Но для настоящей злости сил уже не было, в душе медленно и вязко, как кисель по столу, разливалось тяжелое уныние.

– Сука ты и падла! – сказал Березин и аккуратно положил остро наточенный карандаш по диагонали на толстый том Крамера.

Карандаш лег четко на голову изображенного на обложке чиновника Эбих-иля из города Мари, отчего тот сразу стал похож на одноглазого финикийского пирата. Или, может быть, даже не финикийского, а из далекой заморской страны Элам. Березин вздохнул, откинулся в кресле и, заложив руки за голову, стал грустно смотреть в окно.

За окном были все та же серая и бесснежная в этом году зима, рябая, в выбоинах окон стена дома напротив да грязная нахохлившаяся ворона, обыкновенно сидевшая на ветке под морозящим дождем. Было совершенно ясно, что с контрактом дело дрянь. Да и в целом дело было дрянь, когда ты переводчик-любитель с мертвых языков и у тебя клиентов раз-два и все. Точнее, уже не два, и даже не раз, а и вовсе нет. Березин еще раз взглянул на экран – письмо не изменило своего содержания и по-прежнему категорически отказывало ему в авансе, – а потом с тяжелым вздохом переключил вкладку на новости. В новостях все заголовки были либо о гибели иранского высокопоставленного генерала, либо о тяжелых последствиях празднования Нового года. Еще про авиакатастрофу опять же в Иране, и это все, в общем, было не очень интересно. Мысли неизбежно возвращались к насущному: что положить на карту, где уже надо бы гасить платеж, и как уговорить хозяйку квартиры подождать еще две недели с деньгами за прошлый месяц. Может, позвонить Вайсману и одолжить двадцатку? Или сначала написать письмо, чтобы был повод позвонить? А если он, как в прошлый раз, поймет, в чем дело, и не будет брать трубку?

– Когда бедняк находит хлеб, он не находит соли. Когда он находит соль, он не находит хлеба. Лучше умереть, чем родиться бедным. Понимали ведь все уже в Шумере! – обреченно резюмировал Березин.

Резкий телефонный звонок застал Березина врасплох, и он, вздрогнув, решил, что все-таки пора поменять его на какую-нибудь мелодию, может быть, даже что-то стандартное поставить, что-то типа звучания цикады. На экране была странная надпись «Номер засекречен», и у Березина мелькнула даже было неприятная мысль, что это опять из того банка. После секундного колебания он все-таки взял со стола трубку и смахнул в сторону зеленую клавишу ответа.

– Слушаю вас!

– Березин Арнольд Рудольфович? – уверенно поинтересовался хорошо поставленный баритон.

– Да-да, это я.

Собеседник представился Иваном Андреевичем Черновым из компании «Консул Консалт». Или «Консалт Консул» – Березин сразу же забыл. Иван Андреевич сказал, что звонит от Инлильянова, естественно по рекомендации, и что он очень интересуется, может ли украсть пять минут времени у Арнольда Рудольфовича для небольшой консультации. Березин, как обычно обезоруженный хорошо подготовленной вежливостью, что-то промямлил в утвердительном ключе, и мяч вернулся на сторону поля так уверенного в себе Ивана Андреевича, откуда тот по бровке начал решительно приближаться к воротам.

– Консультация, если так можно сказать, дело, понимаете ли, немного щекотливое, касается одного... ну, скажем так, памятника древности. Мы считаем, и ваши коллеги нас полностью поддержали в этом вопросе, что ваш нестандартный, если так можно выразиться, подход в толковании смыслов культовых надписей в нашем случае может быстрее привести к результату. Все детали я могу...

Березин наконец немного пришел в себя, удачно вспомнил о просроченном минимальном платеже и перехватил мяч.

– Прошу прощения, но я сразу хочу заметить: расшифровка надписей – довольно скрупулезная работа. Боюсь, что тут быстрой консультацией не обойтись...

– Да-да, разумеется! – Иван Андреевич, как оказалось, вполне мог улавливать суть на лету, играть в пас и действовать на опережение. – Конечно, это будет платная консультация, так сказать, предваряющая наше сотрудничество. А в том, что вы справитесь, у нас нет никаких сомнений! Скажем, ставка в семьдесят пять тысяч вас устроит?

Иван Андреевич сделал мхатовскую паузу (Березин тоже молчал, постепенно осознавая, что сможет не только погасить платеж по кредиту и оплатить свою комнату, но и, возможно, даже поест наконец в ресторане) и эффектно забил мяч в девятку:

– Семьдесят пять тысяч рублей в час, я имею в виду.

Проснитесь, мистер Андерсон! (2)

«Половина шекеля составляет половину шекеля везде, куда бы ты ни пошел, но испорченный шекель – принадлежит дикому скоту и змеям».

На следующий день Березин в своем любимом свитшоте с оленями (они напоминали ему куланов со «Штандарта войны и мира») и Иван Андреевич в безукоризненно сидящем темно-синем костюме сидели в атриуме роскошного бизнес-центра где-то на Шаболовке, куда их привезла большая черная машина с молчаливым водителем. В меру загорелое явно чужим, не московским солнцем лицо Ивана Андреевича украшала аккуратная и тщательно ухоженная борода, которой позавидовал бы, наверное, даже царский чиновник Эбих-иль. Выписываемые руками различные округлые фигуры, как бы подчеркивающие гладкость и беспрепятственность их будущего сотрудничества, Иван Андреевич с увлечением рассказывал о своем памятнике, поминутно слегка дотрагиваясь до распечаток, разложенных на столике между ними. Выглядело это все как сеанс симпатической магии и гипноза и, по сути, производило такой же эффект: через пару минут Березину начало казаться, что они с Черновым знакомы не первый год, такое благоприятное впечатление он производил. За спиной Ивана Андреевича на стене висел телевизор, где диктор с встревоженным лицом беззвучно двигал губами, а бегущая строка нервно извещала о том, что в китайском городе Ухань погиб первый заболевший новым типом коронавируса. Березин слушал и изучал распечатанную на листе А4 схематичную прорисовку надписи.

– Понимаете ли, Арнольд Рудольфович, надпись не такая уж большая, но для моего клиента прежде всего важен ее смысл, нужно исключить малейшую возможность неверного толкования. И я здесь хочу сказать не только о прямолинейном значении, которое прежде всего приходит на ум, а о, скажем так, других вариантах. Альтернативных вариантах. Вы меня понимаете?

Иван Андреевич вдруг замолчал и вопросительно посмотрел на Березина. Видимо, настала пора отрабатывать семьдесят пять тысяч. Березин смущенно потер лоб пальцем.

– Ну, прежде всего, по синтаксису я бы определил эту надпись как максимально древнюю. Это документ, который совершенно точно предшествует аккадскому периоду, тут двух мнений быть не может. Смысл надписи – она действительно короткая – довольно очевиден. Здесь речь идет о ком-то, некоей фигуре, облеченной очень большой властью, – вот видите эти две закорючки, это как бы по-нашему «верховно-верховный» или что-то в таком роде.

– Царь царей? – перебил его Иван Андреевич.

– Ну да, хотя... Для царя царей у них была устоявшаяся лексическая конструкция, относимая, правда, к более позднему периоду, но ладно, пусть будет так. Вот тут рядом стоит вот такой значок – скорее всего, речь идет о том, что этот царь верховный в смысле владения, всем владеющий, как-то так. А вот этот значок говорит нам о божественности данного лица, то есть «богоцарь» уже получается. В общем, этот большой босс передает свое сообщение через другого человека, которого, вероятно, можно именовать «распорядитель церемоний». Вот смотрите, тут два значка со смыслами «праздник, жертвоприношение, канун» и «власть». Видите?

Иван Андреевич кивнул, очень внимательно слушая. Березин заметил, что от он даже свел руки вместе, подался вперед и сидел чуть наклонив голову, при этом лицо у него немного вытянулось. Когда Березин сказал «жертвоприношение», глаз у Ивана Андреевича явственно дернулся.

– Божественный царь и владыка всего сущего посылает верного распорядителя церемоний с посланием и, значит, распоряжениями для явно более мелких по статусу властителей, которых он тут называет «пастухами черноголовых». О, а вот тут уже интереснее. Смотрите,

в этой строке распорядитель повелевает пастухам черноголовых приготовить все «мэ», хранившиеся в... м-м-м... В общем, тут я пока не понимаю... В общем, где-то там хранившиеся в дважды превосходной степени, что-то типа «хранившихся в сохранной камере хранения». И второе требование – завести все стада в стойла, буквально: «Пусть все стада всех пастухов будут в загородках, когда царь царей снизойдет». Ну и потом целый ряд запрещающих символов, вероятно, это тоже устоявшаяся конструкция с «карами за неповиновение». Далее текст обрывается. Табличка была обломана или это действительно конец?

Последнюю фразу Иван Андреевич явно не услышал, потому что он, все так же наклонившись вперед и придвинувшись вплотную к Березину, достаточно неожиданно снизил голос и почти шепотом спросил:

– Скажите, Арнольд Рудольфович, а вы могли бы допустить такую трактовку текста: «Я, Организатор Странных игр, от имени Создателя и Владыки Всего Сущего передаю руководителям всех стран: Владыка Всего прибывает. Подготовьте к использованию то, что было вам оставлено на хранение, и то, что вы так долго хранили. Ограничьте передвижение своих народов. Все должны оставаться там, где и всегда, когда Владыка прибывает. Ждите дальнейших указаний».

– Эм-м... Ну, это очень странное допущение, у древних шумеров все-таки не было таких лексических конструкций, как «дальнейшие указания». У них и глагольного времени-то не было, это уже вопрос интерпретации переводчика. Но в целом, если говорить о смысле, возможно, и так, да.

Иван Андреевич выпрямился и прямо посмотрел на Березина:

– А что вы можете сказать про вот это вот «мэ»?

– Слишком многозначный термин, по нему нет единого мнения, – попытался уклониться Березин.

– Ну все-таки, не оглядываясь, скажем так, на авторитеты. Что вы сами про это думаете, Арнольд Рудольфович?

– В ряде текстов «мэ» означает что-то связанное с биологическим началом правителя. Можно, наверное, было бы перевести как «генетический код» или «сущность, содержащая генетический код». Но это очень смелое допущение, обычно переводят либо как «слава», либо как «суть». Потому что, понятное дело, ну какой генетический код в четвертом тысячелетии до Рождества Христова.

Березин не заметил, когда Иван Андреевич вытянул из своего кармана два безупречно прямоугольных конверта, оба из белоснежной бумаги, без каких-либо отличий и особых примет. Он положил конверты на столик и раздвинул их пальцами.

– Арнольд Рудольфович, сейчас мне нужен будет ваш ответ, причем времени на размышления я вам дать не могу. Обстоятельства складываются так, что мы, наша организация, по всей видимости, нуждаемся в вашей помощи. В одном конверте сто пятьдесят тысяч, мы с вами, – тут Иван Андреевич глянул на часы, – два часа уже беседуем, и это ваш гонорар. Во втором – карточка на ваше имя, там полмиллиона, а также договор о неразглашении, который вам сейчас нужно будет подписать, если вы согласитесь на долгосрочное сотрудничество с нами.

– А я могу поинтересоваться, что за организация меня нанимает? – спросил Березин, просто чтобы потянуть время.

Иван Андреевич просто придвинул оба конверта к Березину и слегка улыбнулся. Было вполне понятно, что это означает: «Нет, ничего спросить нельзя». Березин вздохнул, растерянно улыбнулся и сказал:

– Ну хорошо, выбираю красную таблетку. У меня только один вопрос: почему надпись вы мне показали в виде схемы? Где же фотографии самого памятника?

– Потому что я вас обманул, – просто ответил Иван Андреевич. – Это послание не с памятника. Мы получили его шесть дней назад по закрытому каналу космической связи.

Высотки Вавилона (3)

«Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя бы внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп».

Масштабные ворота с золотыми двуглавыми орлами медленно отворились, и машина прошла в высокую и узкую арку, миновав уже открытый шлагбаум (на КПП Березин заметил двух автоматчиков с очень пристальными взглядами), а затем подъехала к эпичных размеров «сталинке», где мягко затормозила перед грандиозной лестницей. «Это какой-нибудь секретный институт, наверное», – подумал Березин.

Иван Андреевич негромко сказал шоферу:

– Спасибо, Сережа. Подай в девятнадцать на седьмой. Свободен, – и легко выскочил на нижнюю ступеньку лестницы.

Березин вышел следом, задирая голову и пытаясь окинуть взглядом все здание. Вершина шпиля терялась где-то в низких московских облаках. Чем-то это здание напоминало ассирийский зиккурат, и лестница, ведущая ко входу, была соответствующих масштабов.

По этой широченной лестнице они вошли к парадному входу, на массивных металлических дверях которого, сделанных, очевидно, под телесные габариты сталинских титанов в три метра ростом, казенной медью отсвечивала внушительная доска (назвать табличкой этот объект язык не поворачивался). На ней друг за другом были расположены ведомственные гербы и красовались надписи: «Военно-космические силы Российской Федерации», «Федеральная служба безопасности» и, наконец, «Государственная служба когнитивной разведки».

– Вот тут мы и работаем, – улыбаясь, сказал Иван Андреевич. – Слишком броско, конечно, но что поделаешь – традиции.

Внутри на входе был еще один обстоятельный КПП, с рамкой металлоискателя и вторым рядом автоматчиков. Березина пропустили через рамку, а Иван Андреевич просто протиснулся сбоку и перекинулся парой фраз с охраной. Затем они шли по бесконечным коридорам, не менее трех раз поднимались и опускались на разных лифтах и снова шли по бесконечным коридорам. Березин осматривался и изо всех сил пытался почувствовать местную атмосферу. На некоторых этажах встречалось много военных, они четко передвигались между кабинетами и несли с собой либо папки с бумагами, либо закрытые ноутбуки. Разговоров здесь было мало, некоторые отдавали честь Ивану Андреевичу, на что он только кивал и дружелюбно улыбался. На других этажах были явно какие-то технари или айтишники, все достаточно расслабленные и вальяжные. Ноутбуки они таскали раскрытыми, а папочек у них не было вовсе, зато многие были с кружками кофе. Они бродили без видимой логики по коридорам, стояли и сидели где попало, громко говорили по невидимым телефонам. Здесь было довольно шумно, и до Березина долетали обрывки разговоров, состоящие преимущественно из узких технических терминов вроде «давайте сетать гринлайт на третьем рейде, а то не по пайплайну выходит». Только один раз до него долетела фраза: «Ну и что, что он сейчас в Ираке, музыкантов зашлем – и вытащат тебе хоть Энкиду!» – но говоривший это быстро скрылся за углом и Березин не успел его разглядеть.

Иван Андреевич собрался, видимо, давать какие-то пояснения, но ему тотчас же позвонили, и следующие три минуты он говорил в телефон:

– Да, товарищ генерал! Понял! Слушаюсь, товарищ генерал! Никак нет. Да, вероятно, на высокой орбите. Нет, «Авангард» не возьмет. Вообще, это, возможно, только ретранслятор. Да, слушаюсь! Есть продолжать наблюдение!

Наконец они добрались до очень тихого коридора, в конце которого была простая, неброская дверь и около нее вытянулись двое солдат в странной черной форме, с круглыми эмблемами на груди. Иван Андреевич легким жестом выхватил из пиджака карточку, показал охраннику и приложил ее к электронному замку. Они вошли внутрь и оказались в обширном затемненном помещении, где в этот момент шел какой-то брифинг. Иван Андреевич шепнул Березину присаживаться и слушать, а сам мгновенно растворился среди толпившихся в зале фигур. Березин встал между двумя абсолютно одинаковыми людьми в погонах с эмблемами ВКС и начал слушать.

На экране долго показывали какие-то графики и таблицы, потом появилась визуализация: планета Земля и куча набросанных линиями окружностей вокруг нее – видимо, орбиты спутников. Все это медленно и покадрово уползло куда-то в сторону, а докладчик сыпал специфическими терминами и летал лучом лазерной указки по всему слайду. Для Березина не было никакой надежды разобраться во всем этом с наскока. Некоторые линии были подсвечены красным, и докладчик говорил о том, что, вероятно, с этих точек через неравные промежутки времени транслируется некий сигнал. Или даже так: Сигнал.

Присутствующие в основном молча слушали доклад, только иногда сидящий за импровизированным президиумом полный человек в зеленой курточке с погонями задавал довольно нелепый вопрос, и каждый раз докладчик, отвечая, вываливал такую гору дополнительной информации, что Березин быстро перестал считать эти вопросы странными. Со своего места он с трудом разобрал перед человеком отпечатанную на принтере табличку «Генерал А. А. Громов».

Достаточно быстро Березин, впрочем, понял, что присутствующие сами не обладают всей полнотой информации. Они оперировали фактами, а фактов пока было немного. Над Землей летало нечто, невидимое ни с МКС, ни с китайской станции, и это нечто запускало в эфир странное послание, о сути которого Березин в самых общих чертах был уже осведомлен. Вместе с посланием передавалась какая-то дополнительная информация в закодированном виде, но здесь Березин почти ничего не понял – это было дело для криптографов и компьютерных специалистов. Все главные мировые столицы должны были быть в курсе, но Россия могла обсудить это только с Китаем и Ираном. Лондон, Токио, Берлин и Вашингтон упорно утверждали, что никакого источника сигнала не видят, однако активная передислокация их авианосных и спутниковых группировок говорила об обратном. Пока до противостояния ядерных держав еще не дошло, но обстановка накалялась буквально с каждым часом.

На этом лектор завершил свой брифинг и посмотрел на генерала.

– Да, не хватает нам еще второго Карибского кризиса, – произнес со своего президиума генерал Громов. – Вы это... активизируйтесь по сообщению от этого... как его... Посредника. А то нас китайцы опередят, что нам потом, просить у них ложку к обеду? В чужую дуду не наиграешься, знаете ли, товарищи офицеры. За работу! На сегодня все. Свободны! Иван Андреевич, а вы подойдите ко мне, обсудим следующие шаги...

Original Sin, или Инанна радуется своему лону (4)

*«Слава Инанне, Великой Царице Небес!
Юноши, слуги любви, расчесали волосы свои,
Для Инанны украсили они цветными лентами
шеи свои,
Для Инанны обрядились они
в священные одеяния свои.
О Богиня, первые люди Шумера вышли на улицы,
дабы восславить Тебя,
И лиры держат они в руках своих.
И те, кто следует за ними,
препоясали чресла свои,
И копья держат они в руках своих.
О Богиня, смотри —
все люди Шумера перед лицом Твоим!»*

Обнаженная, как ночь, и прекрасная, как весенний рассвет, Владычица Прозрачных Склонов, которую знали в веках и всегда будут знать и почитать как Инанну, Иштар, Астарту, Афродиту, Венеру, легко взойшла на последнюю ступень Дома Восточного Огня, где ее уже ждал Энлиль. Бог воздуха был одет в приталенный серый деловой костюм и держал в руке изящную трость с набалдашником в виде семи сложенных рогов горного тура. В другой руке у него был айфон самой последней модели. Внизу устало и мирно засыпал, постепенно выключая огни, огромный город Шанхай.

– И как же тебе удалось поднять пирамиду в самом сердце города черноголовых, о хитроумная Хозяйка Небес? – спросил Энлиль.

– Я умею делать явное сокрытым, Господин Чистого Холма. Черноголовые не увидят пирамиду, даже если будут стоять к ней вплотную.

– А если их спросить, что они видят, что же они скажут?

– В таком случае они всегда говорят: «Я не вижу ничего, что было бы мне знакомо».

– Отличная работа, Застрельщица из Сиппара! Но я хотел бы поговорить о другом... Ты так поторопилась взойти на небесную лодку и прибыть сюда явно не для того, чтобы развлекать черноголовых. Госпожа Эрешкигаль была в ярости, она до сих пор не может найти себе места и называет тебя отступницей, которая не дождалась Первого Вздоха Отца и сбежала вниз...

– Ты пришел плакать и ябедничать, о Господин Ветер? Или ты хотел похвастать одеждой черноголовых, этой палкой и вот тем черным зеркалом? – язвительно заметила Инанна.

– О нет, дорогая Инанна, хотя я не скрою, я горжусь этими скромными дарами, и они мне очень нравятся, особенно это черное зеркало. Оно, знаешь ли, не всегда черное, и есть там такая безделушка – называется «Среди нас», и, клянусь дыханием Отца, это очень прилипчивая забава...

– Ты, кажется, хотел что-то спросить, старый лис?

– О да, сестра. Я хотел бы узнать, как далеко тебе удалось продвинуться в подготовке Странных игр. Что ты сделала сама, чтобы собрать славу, а что оставила мне?

Инанна помолчала, потом отвернулась и посмотрела на город.

– Честно сказать, не так уж и много, Отец Ниппура. Я дала Мелкую Шипастую Тварь местным черноголовым. Я дала Малое Лекарство от Мелкой Шипастой Твари местным черноголовым. Думаю, они будут готовы к встрече с аннунаками, когда Ану взойдет. Я почти готова

дать Другую Мелкую Шипастую Тварь для других черноголовых, которые живут за морем. Они ведь разные теперь, ты только представь себе!

– Молодец! Не хотелось бы, как в прошлый раз, чтобы черноголовых скосила болезнь, полученная от аннунаков... Все-таки нас долго здесь не было, прошли многие столетия...

– Тысячелетия, Ветерок. И они многое успели, посмотри хотя бы на этот город!

– О, да! Они очень многое успели. Я всего пару дней тут – и уже отведал разнообразных местных яств, выпил их священного пива, и... неплохо, скажу я тебе, неплохо. Радует, что они до сих пор ему поклоняются. А тебе, Дочь Сияния Небес, я бы посоветовал зайти в их дом красоты – ты увидишь, что дочери черноголовых стали уже почти как низшие игиги со всеми этими новыми пластическими технологиями.

Инанна лишь насмешливо и гордо глянула на бога ветра, не сказав ни слова.

– А помнят ли они тебя, о Царица Ночи?

– Да, помнят. Но они почитают меня не как богиню. Они теперь поклоняются только одному богу и считают, что он вышел из моего лона. Они построили его храмы во всех городах и славят мое лоно каждый день.

Говоря это, Инанна по-прежнему не смотрела на Энлиля. И проницательный бог ветра что-то почувствовал, не увидев привычного сияния смертельной красоты ее глаз – левого синего и правого зеленого.

– Ты недовольна, ты печалишься, Царица из Страны Тюленей? – спросил он.

С деланным безразличием Инанна повернулась к нему и томно произнесла:

– Вовсе нет, просто мне немного грустно оттого, что Дыхание Ану снова разрушит весь этот мир, так заботливо отстроенный черноголовыми.

– Прости меня, Правящая Звезда Небес! – склонился в притворном поклоне Энлиль. – Я узнал все, что хотел, и не смею задерживать Красную Царицу Небес. Я прощаюсь с тобой и откланиваюсь!

– До встречи, Господин, чьи слова неизменны.

Инанна простерла руку над бездной грациозным и свободным жестом, и тотчас бесшумно порхающий комочек мрака прилепился к ней. Летучая мышь села на руку Инанны и запела свою благодарную песню богине, которую не услышал бы ни один черноголовый. Энлиль скрикнул в гримасе боли.

– Что, Владыка Горного Дома, ты не любишь тихие гимны моих верных слуг? – произнесла довольная Инанна и погладила зверька по спинке.

С кончика ее пальца сорвалась крохотная искорка и упала на мордочку летучей мыши, отчего та вся надулась, распушилась и встопорщилась.

– Дар вручен, мой маленький помощник, лети! – сказала богиня и подбросила мышку в воздух, а та, расправив крылья, растворилась в темноте.

Сказав это, Инанна шагнула в бездну за край площадки, где они стояли, и исчезла. Энлиль боязливо подошел в краю и заглянул вниз. Там ничего не было, только летучие мыши кружились хороводом, вытягиваясь в сторону морского торгового порта города Шанхая. После этого он повернулся и начал медленно таять в воздухе, одновременно оплывая и превращаясь в пугающего призрака. Почти растворившись, он вдруг заметил дрожащего от страха Березина и строго сказал ему визгливым голосом учительницы младших классов Сусанны Патрикеевны:

– Березин, тебе разве не говорили, что подсматривать за девочками нехорошо?!

Весь мокрый от пота, Березин очнулся от кошмарного сна и почувствовал, что падает, хотя уже открыл глаза. Ощущение было самого противного свойства, и он помотал головой, чтобы сбросить остатки дурного сна. Образы богини Инанны и бога Энлиля плавно отходили на второй план, он с облегчением, но слишком медленно понимал, что это всего лишь сон.

– Черт, вот приснится же такая чушь... – пробормотал он, садясь на кровати и шаря в потемках по столику, где должна была быть кружка с водой.

The Институт (5)

*«И вступи в Эану, жилище Иштар,
Даже будущий царь не построит такого,
Поднимись и пройди по стенам Урука,
Обзри основанье, кирпичи оцупай:
Его кирпичи не обожжены ли?
И заложены стены не семью ль мудрецами?»*

Березин всегда считал себя замкнутым человеком, который тяжело сходится с людьми и не умеет работать в коллективе, а потому и выбрал для себя стезю переводчика-фрилансера. А мертвые языки он взялся изучать потому, что в этой сфере было слишком мало специалистов, – он не любил коллективы и конкуренцию. Но Институт, где он находился уже несколько недель, скоро и бесповоротно многое в нем изменил. Впервые за всю свою жизнь он чувствовал себя не только увлеченным – это бывало и когда он еще только открывал для себя мир древнего Шумера и его удивительной письменности. И даже не просто кому-то сильно нужным – это частенько случалось, когда были срочные заказы и на кону стояли деньги его клиентов. Сейчас он ощущал себя сопричастным к большому и даже великому делу, которое явно останется в истории и будет торчать там глыбой, когда все остальные его мелкие деяния уже смоят дожди времени. Это было уникальное, новое, ни с чем не сравнимое ощущение, которое перекрывало для него все, даже бытовые неудобства и необходимость посещения общей столовой Института.

Кстати, в этой циклопических размеров столовой, где по сменам принимали свои ежедневные пищевые рационы тысячи сотрудников, он даже познакомился с симпатичными девушками, Аней и Инной, из отдела технологий массовой обработки, или «массовиков-затейников», как их все вокруг называли. Чем они точно занимались, было непонятно, спрашивать тут было не принято, но вполне можно было догадаться: также сотрудников этого отдела часто называли «заклинателями митингов». Аня была хрупкая и стеснительная девушка, которой очень шла военная форма, а Инна – бойкая брюнетка с очень хорошей фигурой, и Березин уже начал подумывать о том, как бы изловчиться пригласить кого-нибудь из них на свидание, но дело осложнялось казарменным образом существования, и пока дальше обмена ежедневными любезностями перед приемом пищи дела у них не продвинулись.

Жить его, как «временно подключенный к проектам персонал», определили в один из номеров служебной гостиницы, расположенной в этом же здании, на самых верхних его этажах. Поскольку командировочных сейчас было много, Березину, с некоторой помощью Ивана Андреевича, сумевшего обаять даже неприступную глыбообразную комендантшу общежития Георгину Леонтьевну Рахис, достались «генеральские» апартаменты. У институтской «сталинки» была настолько замысловатая архитектура, что Березин не мог в полной мере ни осознать планировку своих двух комнат, ни разобраться, на каком точно этаже он живет. А возможно, дело тут было в геометрии верхних этажей Института, несколько отличавшейся от традиционной эвклидовой. Но самым главным преимуществом было то, что тут был выход на циклопический балкон, который, как горный серпантин, шел вокруг всего здания. Балкон, по стратегическому замыслу Георгины Леонтьевны, был заперт, но Иван Андреевич, заговорицки подмигивая, втихую вручил ему ключик, открывающий эту дверь. Вечерами оттуда можно было наблюдать великолепные московские закаты, особенно красивые этой весной.

Иногда по этому балкону к нему в гости наведывался невесть откуда взявшийся на такой высоте огромный и роскошный иссиня-черный кот не до конца ясной породы. Первое появле-

ние inferнального гостя с его пронизывающими глазами-прожекторами и аккуратным ошейником сильно испугало Березина, но вскоре он к коту привык. Для своего нового друга Березин даже припрятывал с обеда всякие лакомства. Впрочем, дружба с котом была несколько омрачена тем фактом, что однажды Березин поинтересовался биркой на шее животного и обнаружил там весьма озадачивающую надпись «Ст. следователь МГБ СССР Асмодей А. Д. 1899—1951». Но кот, по крайней мере внешне, оставался котом, вел себя как кот и на правах кота регулярно получал свое угощение. Правда, иногда Березину начинало казаться, что кот за ним внимательно следит и втайне замышляет его убийство, но это он относил на счет общей странности немного мистической атмосферы Института.

Работая в Институте над материалами проекта «Подготовка к празднику», Березин пропустил почти все события внешнего мира: и объявление пандемии, и падение фондового рынка, и нешуточную борьбу великих держав за запасы медицинских масок. Его вещи лежали где-то в камере хранения, немалая институтская зарплата копилась на карточке, но это все было не важно – настолько он был поглощен своей новой работой.

Ведомство, официально именовавшееся Службой когнитивной разведки, а своими сотрудниками – просто Институтом, занималось почти всем на свете. Всем, что в близкой и далекой перспективе может представлять интерес или угрозу для Российской Федерации. Как поясняет любой словарь, когнитивный – значит соотносящийся по значению с существительным «когниция», или, говоря проще, связанный с познанием. Этим и занимались штатные единицы Института – активно познавали все грани окружающего мира, включая те, которые обычно находятся в тени и куда не попадает яркий свет прожектора традиционной науки. В основном проекты Института находились далеко за передним краем познавательного горизонта человечества, там, где наука смыкается с магией, мистикой, герметическими дисциплинами, теориями заговора, древними языческими культами, верой в НЛО и участвовавшими в последнее время появлениями чертей в разливочном цеху.

Институт был организацией если и не военной, то в достаточной мере военизированной и не занимался проблемами человеческого счастья и смысла человеческой жизни, предпочитая более приземленную трактовку этих понятий, отраженную в Конституции Российской Федерации и оборонной стратегии государства. Но те, кто в нем служил и работал, вполне согласились бы с рабочей гипотезой, что счастье заключается в непрерывном познании неизведанного и смысл жизни, в общем-то, состоит в том же самом.

Строгая система уровней допуска не давала возможности новичку Березину изучать информацию по другим проектам, его сферой ответственности была лишь «Подготовка к празднику». Но за пару недель в коридорах, курилках и столовой Института он краем уха наслушался такого, что от его прежней картины мира теперь не осталось и следа. Вначале там была дымящаяся остекленная воронка после взрыва когнитивного термоядерного боеприпаса. А потом новая информация залила ее плодородным илом, как равнины древнего Шумера заливали дарующие жизнь Тигр и Евфрат. Что произрастет в результате, каким будут плоды этого урожая, не загадывал сейчас даже сам Березин. Например, при Институте был целый филиал (расположенный где-то на Памире), в котором велась полевая работа с реликтовыми гоминидами. Он видел подтверждающие их существование фотографии на доске почета около столовой. Как подозревал Березин, на третьем этаже занимались крупными рептилиями, а однажды он своими глазами видел, как в лифт на четырнадцатом заводили под конвоем двух автоматчиков существо, кутавшееся в кожистые крылья и оставлявшее за собой пахучий сероводородный след. В тот раз он на всякий случай спускался на митинг с Черновым и Грозовым пешком по лестнице – лифты и сероводород ему всегда казались не лучшим сочетанием.

И однажды Березин наконец набрался храбрости и задал Чернову давно волновавший его вопрос:

– Иван Андреевич, скажите, а почему все-таки я? Почему не Инлильянов тот же – у него регалии, известность...

Иван Андреевич, как всегда, не подвел. Он прищурился так, чтобы не было до конца понятно, шутит он или нет, и, как обычно просто, сказал:

– А вас, Арнольд Рудольфович, в случае чего никто искать не будет.

Потом сделал свою фирменную паузу и добавил с мягкой улыбкой:

– Как и меня, впрочем.

Yes, Sir, I can boogie (6)

«В этом году в Аахен прибыли толпы диковинных людей и отсюда двинулись на Францию. Существа обоего пола, вдохновленные самим Дьяволом, рука об руку танцевали на улицах, в домах, в церквах, прыгая и крича безо всякого стыда. Изнемогиши от танцев, они жаловались на боль в груди и, утираясь платками, причитали, что лучше уж умереть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.